

О СТУДЕНЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ, ПАТРИОТИЗМЕ И ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ

В статье обосновывается необходимость относиться к патриотизму с точки зрения его научной оценки. Рассматриваются некоторые особенности студенческой психологии и их влияние на восприятие идеи патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, психология восприятия.

ON STUDENT PSYCHOLOGY, PATRIOTISM, AND LOVE FOR THE FATHERLAND

Vadim N. Zhukov, Dr. Sc. (Philosophy), Independent Researcher, e-mail: vzhukov195@gmail.com

The article explains the necessity of treating patriotism from the point of view of its scientific evaluation. Some peculiarities of student psychology and their influence on the perception of the idea of patriotism are considered.

Keywords: patriotism, youth, psychology of perception.

Каждый преподаватель вуза, немало лет проработавший со студенческой аудиторией, обязательно обращает внимание на следующие особенности студенческой психологии. Во-первых, это поверхностная радикальность оценок, радикальность студенческого мировоззрения вообще (по крайней мере, у значительной части студентов), которая обычно носит крайне неглубокий характер. Во-вторых, эта радикальность вследствие своей поверхностности может достаточно быстро и сильно меняться. Ясно, что первая особенность связана с неустоявшимся мировоззрением и брожением молодой крови, со стремлением сразу найти простой и понятный ответ на все вопросы сразу. Но это и обуславливает вторую особенность: именно благодаря такому студенческому радикализму мысли, оценки, взгляды многих студентов чем-то напоминают положение Буратино, у которого мысли были «быстрые-быстрые, но короткие-прекороткие», при всем том, что этот известный персонаж был очень искренним и правдивым мальчишкой.

Примеров можно приводить сколько угодно. Вот, в начале 90-х годов очень часто бывало так, что первый вопрос, который задавали студенты на первом занятии, был о том, являлся ли преподаватель членом КПСС. И если ответ был утвердительный, то нередко случалось так, что студенты по одной этой причине отказывались посещать занятия преподавателя. Особенno такая ситуация была характерна для ряда так называемых «элитных» вузов Москвы.

Поэтому студент (особенно младших курсов) в той или иной степени, но обязательно «сиюминутник» – легко и радикально схватывает, но так же легко может и потерять дове-

денные до него мысли, идеи, положения. Неслучайно в свои лучшие годы всем известный Клуб веселых и находчивых был так популярен и интересен, но так же неслучайно и то, что смотреть даже лучшие выпуски КВН через несколько лет почти неинтересно – в них утрачены раздражающая сиюминутная актуальность оценок, раздражающе-остроумный, но сиюминутный, чисто студенческий радикализм.

Эти особенности студенческой психологии проявляются в той или иной степени на протяжении почти всего учебного процесса, в том числе и на занятиях по философии. Сегодня эта быстрая сменяемость и радикальность студенческих оценок проявляется достаточно остро при рассмотрении таких философских тем, как славянофильство и западничество, когда просто неизбежно возникает тема патриотизма. И вот на этом хотелось бы остановиться подробнее.

Практически полубессознательно студенческая группа обычно разделяется на «западников» и «славянофилов», при этом мало понимая содержательно и русское западничество, и славянофильство, руководствуясь обычно крайне поверхностными и очень политизированными оценками того и другого. Когда же стремишься объяснить, что противоречие между ними не так уж глубоко, что написано огромное количество книг и статей, где добросовестные исследователи показывают общее, точки соприкосновения между западниками и славянофилами, то политическая увлеченность всё же берет вверх – всё стремятся разделить на тех и других, П.Я. Чаадаева и А.И. Герцена сделать врагами А.С. Хомякова или наоборот, и так вплоть до наших

дней. В итоге это оборачивается противопоставлением «патриотов» «непатриотам», при том что все – как сторонники славянофилов, так и сторонники западников – только себя и считают истинными патриотами России. Тех же, кто прямо занимал антипатриотическую позицию, автор этих строк за свою многолетнюю работу не встречал.

И вот в этой ситуации и возникает опасность влияния недобросовестного и даже губительного радикализма. Ведь все знают, что студенты почти не смотрят центральные каналы телевидения и только в интернете чувствуют себя как дома. Первый, наиболее очевидный тип этого радикализма – вульгарное, крайне поверхностное отношение к Западу как к некоему «идеалу», за которым якобы только и должна следовать Россия. До сих пор многими студентами это представляется как «патриотизм». Работая в различных вузах Москвы, автор постоянно сталкивался с таким типом радикализма, особенно среди студентов, побывавших на Западе. И в то же время неоднократно замечал, что чем более продолжительное время студент по каким-то жизненным обстоятельствам находился за границей (жил с родителями, работавшими там, или стажировался), а не просто бывал туристом, и имел возможность внимательно присмотреться к западной жизни, тем больше он понимал Запад, тем спокойнее и вдумчивее было его отношение к нему, тем меньше было туристического верхоглядства и стремления к пошлому подражанию Западу.

Но сейчас для нас интересным является современное традиционное патриотическое мировоззрение, т.е. мировоззрение тех студентов, которые считают себя как бы «новыми славянофилами».

Обычно на семинаре при рассмотрении славянофильства я предлагаю студентам задуматься над простым вопросом. Сам основатель славянофильства А.С. Хомяков любил повторять, что «Запад – это «страна святых чудес» и находил много общего между Западом и Россией. Как же так, – спрашиваю студентов, – как мог сторонник самобытности России так ценить и любить Запад?

Редко, но всё же иногда бывают светлые проблески в ответах. Не воспроизведя несовершенный студенческий язык, мысль обычно сводится к тому, что для славянофила Хомякова Родина существует в свете всеобщей истины, и, искренне любя Россию, он никогда не абсолютизовал ее значение за счет унижения других стран. Более того, ведь именно славянофил А.С. Хомяков был одним из наиболее радикальных критиков трагических сторон жизни своей любимой России.

А это означает в свою очередь, что патриотизм нисколько не подразумевает отсутствие объективного и разумно-критического отношения к своей стране и даже обязывает

к такому отношению. Отсюда делаем простой вывод: быть патриотом совсем не означает хвалить свое и ругать чужое (для этого ума никакого не нужно), а вот разумно критиковать свое, родное – одна из форм патриотизма.

И вот в ходе семинарских занятий начинаешь задавать студентам вопросы: а вот Владимир Красное Солнышко был патриотом или нет? Ведь введением христианства на Руси он отверг родное, близкое и привычное язычество, и получается, что он совсем не был приверженцем «традиционных ценностей» и, с точки зрения многих жителей Киевской Руси того времени, даже как бы «предал» родное язычество? А Пётр Первый, отказавшийся от столь родных и привычных идеалов старой Руси? Разве на него не смотрели многие русские люди того времени как на «предателя» всего родного, старого, привычного и близкого, и даже родной сын пытался составить заговор против своего отца, чтобы вернуть назад всё родное и традиционное? Разве не считают себя патриотами уже сегодня те, кто пытается реабилитировать царевича Алексея?

Подобные сравнения можно продолжить, но надо ответить на вопрос: «Кто же был настоящим патриотом – разумный (подчеркиваю это специально) критик старого положения вещей в своем отечестве или крайне ограниченный, но простой, понятный и очень консервативный приверженец этого положения?» С усилием, с оговорками, но почти всегда приходим к ответу, что истинными патриотами были именно те, кто отказывались от старых, врожденных, устоявшихся форм патриотизма, которые вели страну к страшной отсталости. Отсюда делаем вывод о том, что не так легко отличить истинный патриотизм от подделок. И что самое важное: нет никакого вечного, как бы застывшего «патриотизма вообще», а, как и всё в человеческом обществе, патриотизм развивается, существует в разных формах, и необходимо глубокое знание и понимание особенностей исторического времени, чтобы понимать различные формы, которые принимает патриотизм. Одним словом, патриотизм, как и истина, всегда конкретен и требует серьезного, глубокого знания и понимания своего времени.

Для вуза «познавательная сторона» патриотизма особенно важна. Понятно, что именно в вузе и нигде более можно и нужно говорить о различных формах патриотизма со студентами, у которых пока есть возможность и время для восприятия этого прекрасного человеческого качества с точки зрения знания и понимания. Ведь потом, закончив вуз и оказавшись захваченными заботами о хлебе насущном, большинство не будет иметь такой возможности никогда. Тем более что в студенческой юности еще жив инстинкт правды, не подавленное жизненными заботами стремление к истине. Тем более что студент – человек будущего, он

как бы живет этим будущим, и всё настоящее, в том числе и учеба в вузе – для него только пролог, преддверие этого будущего. Поэтому неоднократно обращаю внимание на этот факт: **студент очень легко схватывает и понимает те формы патриотизма, которые направлены в будущее**. А эти формы на протяжении истории нашей страны были очень различны.

Одним словом, речь должна идти не просто о патриотизме, а, если так можно сказать, именно о прогрессивном характере патриотизма, о том, что патриотизм и традиционализм не всегда совпадают, что механическое, деревянное следование традиции еще совсем не означает патриотизма.

И еще проще – патриотизм и традиционные ценности далеко не одно и то же. Поэтому патриотизм Дмитрия Донского, патриотизм Петра Первого и патриотизм во время Великой Отечественной войны – это разные формы патриотизма:

- ◆ первый – связан с религией;
- ◆ второй – уже светский, имперский патриотизм;
- ◆ третий – именно советский патриотизм, а не какой-то другой.

Вопрос о соотношении прогрессивного характера патриотизма и традиций – очень сложный и, можно даже сказать, «тяжелый» вопрос, на который сегодня почти не обращают внимания. Вот царевич Алексей был самым что ни на есть рьяным последователем именно традиционных ценностей, но всё же истинным патриотом России был именно Пётр, совсем не следовавший традиционным ценностям старой Руси. У нас же считается так, что традиционные ценности и патриотизм – это как бы автоматически одно и то же, что одно обязательно подразумевает другое. И это огромная проблема, которая особенно остро встает перед студентами по понятным причинам – ведь всё их сознание и жизнь устремлены в будущее!

Таким образом, делаем вывод в конце занятия: мы должны относиться к патриотизму не с точки зрения обычного человека – как к очередной идеологии (вот-де был социализм, потом – либерализм, а теперь у нас на дворе патриотизм), а как к жизненно глубокому, очень серьезному и совсем не простому и не конъюнктурному явлению. Это обязательно требует столь же серьезного и глубокого знания, а не просто идеологического и психологического воздействия.

Речь, конечно, не должна идти о создании какой-то «философии патриотизма», о каком-то специальном курсе по «истории патриотизма» и тому подобных вещах. Но речь должна идти о подлинно вузовском, т.е. научном подходе к этой теме – ведь только в вузе элемент пропаганды патриотизма основывается прежде всего не на идеологии, не на психологическом воздействии, а именно на знании, а лучшей опоры серьезному патриотизму не найти.

Только такой подход к патриотизму обеспечит и сделает невозможным (или почти невозможным) увлечение

ряда студентов разными далекими от жизни радикальными идеями. Только знание того, что такое патриотизм и как он изменялся на протяжении истории, будет лучшей профилактикой против болезненных крайностей, в которые иногда так склонны опрокидываться некоторые студенты.

Итогом занятия обычно является констатация необходимости именно любви к Отечеству как высшей форме патриотизма (хотя обычно между этими понятиями не делается различия, но здесь сказывается, конечно, в том числе и юношеский возраст). Ведь само понятие, само слово «любовь» по внутреннему смыслу своего содержания отвергает всякую односторонность, поднимает человека над всякой национальной ограниченностью, заставляет смотреть на свое отчество как бы «сверху», с точки зрения «общей истины». Студенческое сознание, лишенное всяких ограничительных перегородок (что далеко не всегда хорошо, конечно), очень естественно и искренне приходит к этой простой мысли. Истинный патриотизм всегда выводит страну за пределы своей собственной ограды, но и не растративая, однако, ее за этими пределами.

В той или иной форме, но всегда занятие оканчивается констатацией необходимости именно такого «гармоничного» патриотизма, который в древности на Руси назывался в наших летописях «отечестволюбием» – что, в свою очередь, не подразумевало ни самоуничижения перед другими, ни унижения других.

А как же отличить ложные формы патриотизма от истинных? Здесь надо последовать мысли полуза забытого сегодня Гегеля. Единственно подлинно научная критика, в том числе и критика разных форм псевдо-патриотизма, разных подделок «под патриотизм», заключается в том, чтобы попытаться довести до логического завершения позиции псевдопатриотов и показать то неизбежное крушение, которое следовало бы за развитием их позиции, показать неудачу псевдопатриотических подделок в их гипотетическом развитии, а не просто отвергать их позицию, ограничиваясь огульным неприятием и поверхностной критикой. Конечно, это потребует определенных знаний и умения анализировать. Но ведь университет – это производитель, «фабрика» знания, соответственно, и критика должна быть с точки зрения знания, а не поверхностного журнализма. Только используя такую критику, мы сможем отличить псевдопатриотизм от патриотизма настоящего.

Заниматься же сладкими воспоминаниями о том, как якобы было у нас всё хорошо в прошлом – это время давно миновало. Патриотизм не есть реставрация прошлого. Истинный патриотизм всегда направлен только в будущее, как и студенческое сознание. И надо помочь им соединиться.